

Симбиоз как особенность функционирования мифологического времени

Многие исследователи, говоря о специфических чертах мифа, отличают симбиоз времён: настоящего и уже прошедшего. Прошлое – тайна, идеальный конструкт, выражение утраченного, и, кажется, что оно нам вовсе неизвестно. Но именно прошлое является источником всего, что существует в настоящем. Вещь в мифологическом пространстве говорит о действии, уже утвердившимся в опыте. Мы можем опереться на этот опыт, и, в этом случае понимание мифологии будет равносильно припоминанию. «Время, в котором живёт мифологический предмет - перфект; это то, что имеет место в настоящем в качестве сбывшегося прежде и что в силу этого глубоко укоренено в себе самом, то есть «подлинно». В конкретно- вещественной форме предмет запечатлевает в себе некое достопамятное прошлое; на уровне воображаемого такой процесс соответствует устранению времени» [Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1999. С. 84]. Время пропадает за самим объектом или его действиями – и это выражение пространственно-временного синкретизма в мифах.

Именно поэтому мифологическое время дискретно – оно, как и мифопространство «лоскутно». В мифах нерасчленимое время проявляется в пространственных точках: время, наполненное событиями, но не имеющее внутренней протяжённости – это «исключение», это уже выход за пределы временного потока – в область имагинарную. «Скорость и способ передвижения бога в пространстве вполне произвольны. Бог запрягает божественных иногда крылатых коней (ветры) в золотую колесницу и с произвольной скоростью мчит на ней по эфиру, по воздуху, по гребням морских волн. Но богу достаточно надеть для этого на ноги крылатые сандалии или прикрепить амбросийные подошвы и в них перелететь небесное пространство» [Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987. С. 25].

Время переводится в образ, который есть отложение предметно-чувственных восприятий, которые вливаются в форму некой конкретной предметности.

Миф не объясняет, но обозначает: то есть «нагружает» время особыми смыслами. «Старинная вещь чисто мифологична, отсылая к прошлому. Она лишена какого-либо выхода в практику и явлена нам исключительно затем, чтобы нечто означать. Она не структурна, отрицает структурность в принципе, знаменует собой совершенное отречение от первичных функций. Однако же она не является нефункциональным или просто «декоративной», и в рамках системы у неё есть вполне специфическая функция: ею обозначается время» [Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1999. С. 82].

Таким образом, мифологический предмет концентрирует и ожидания человека, то есть проявляется ещё один модус времени – будущее. Должно содержаться некое пророческое предвосхищение: так человек, благодаря памяти, получает свободу от настоящего, преодолевает наличную ситуацию и обретает способность опережающего отражения. Видимо, это обусловлено цикличностью: мифологическая вещь обладает завершённостью.

Функциональные вещи – исчерпываются своим применением и не обладают предшествующим бытием: таким образом заполняют пространство, но не обеспечивают наполненность времени. Событие, знаменуемое в мифе – это событие рождения: предмет настоящего устремлён в глубь времени, то есть показано становление некой вечности: рождение через приобщение к «коллективной памяти», человека в качестве родового существа. В мифе ценностная значимость вещи включается в завершённый круг времени. Эти предметы отсылают человека к детству, где «чистая субъективность вольно метафорически выражала себя в окружающей «среде», а сама эта «среда» была лишь безупречным самонаправленным дискурсом человеческого существа» [Там же. С. 89]. Мифологическая вещь становится для людей кусочком вечности, «материнской клетки».

В сюжете мифа можно увидеть эту «тоску» по вечности (бесконечное движение героев): не только пространство растягивается, но и время. С другой стороны, замечают, что время в мифах «скорое», поскольку над героями не властно реальное время (необыкновенная

скорость, практически одновременное присутствие в нескольких местах), и их действие становится активным и динамичным. На мой взгляд, здесь просто сжимается время между мыслью и делом: «сказано-сделано». Таким образом, герой как бы сливается с действием, и уже изменяется «функционально», а не скучают, не томятся, не стареют, не болеют. Они активны, поэтому и время становится действенным, то есть быстрым.

Однако, как мы отметили, скорость времени не влияет на трансформацию героев. Герои и боги – бессмертны, они являются носителями вечности. Часто время никак не отражается на героях, они практически не стареют: герои становятся опытнее и мудрее, но не стареют. Они меняются только в зависимости от перемены собственного значения, функции: сегодня герой-храбрый воин, а завтра – он уже мудрый отец.

Боги могут рождаться и останавливаться в развитии в любом возрасте – время останавливается, а они становятся вечными (младенцами, старцами, юношами, взрослыми и так далее). Скорее не время властно над ними, а они сами – властители времён. «Сами они (боги) существуют вне времени, хотя события продолжают течь и самые действия богов и их функции не выходят из мира времени» [*Голосовкер Я.Э. Логика мифа* М., 1987. С. 24]. Часто боги определяются не только функцией, но и определённым временем года, временем дня. Боги и герои обладали вечностью, поскольку знали происхождение вещей – их «прошлое», что есть ключ к использованию вещи. Действительно, ведь сущность предметов отождествлялась с их происхождением. Миф в этом смысле – «вести времён творения».

Таким образом, мифологический предмет минимально функциональный и максимально значимый, соотнесён со временем предков и даже абсолютным прошлым природы, а человек с рождения включён в эту родовую структуру, в пространство мифологических предметов. Лессинг определяет миф, как «познаваемый акт, который, не будучи отражаемым, минувшей действительности, выражают деятельность, присутствующую в настоящем» [*Шукин В.Г. В мире чудесных превращений // Вопросы философии.* 1998, № 11. С. 23].

Мы живём среди наших мифов о прошлом. Их нельзя опровергнуть, так как никто и никогда не скажет нам, как было «на самом деле». Их нельзя опровергнуть, потому что ведь они выражают наше видение вещей, и свидетельствует о том, каковы мы. Отсылка к родовой памяти раскрывает нам собственный внутренний мир, и к этому процессу у людей должно быть полное доверие. В общем-то, у первобытного человека и не могло возникнуть никаких сомнений: мифология не ставит никаких вопросов о достоверности. Субъект был неразличим от объекта, а объект от действия. Признак вещи, её имя – нерасчленимы с самой сущностью вещи. Трансформация имени означала перемену самого объекта: в мифах поэтому невозможна метафора – как перенесение признаков с одного предмета на другой.

Задача мифа заключается как раз в том, чтобы придать эмпирические, преходящие факты в ранг вечных, то есть превратить историю в природу. При этом переходе миф просто устраняет сложность человеческих поступков, придаёт им простоту сущностей и создаёт ясный, очевидный мир, где вещи значат сами по себе. В этом процессе превращения истории в природу заключается суть мифа. Тем самым, миф преодолевает противоречия между своим и чужим миром. Природа является истинным местом существования архаичного человека: грань между культурным и природным ещё достаточно прозрачна. Для человека свой мир значит – естественность всех вещей, заполняющих окружающее пространство.

«Миф лишает предмет, о котором он повествует, всякой историчности. История в мифе испаряется, играя роль некой идеальной прислуги: она всё заранее prepares, приносит, раскладывает и тихо исчезает, когда приходит хозяин, которому остаётся лишь наслаждаться, не спрашивая откуда взялась вся эта красота. Вернее было бы сказать, что она возникает из вечности...Ничто не производится, ничто не выбирается; остаётся только обладать этими новенькими вещами, в которых нет ни малейшего следа их происхождения или отбора» [*Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика.* М., 1994. С. 119].

То есть в мифе теряется память вещей своим эмпирическим производстве, тем самым происходит утрата исторических свойств предметов. Внешняя действительность предоставляла мифу некоторую историческую реальность, а миф придаёт этой реальности статус естественности. «До мифологизации внешний мир являет собой диалектическую взаимосвязь различных видов человеческой деятельности, поступков; после мифологической обработки он предстаёт в виде картин неизменных сущностей» [Там же. С. 120].

Здесь нужно принципиально различать два понятия: производство и творение. Производство вещи осуществляется в профанном мире и не обладает сакральным значением. Но как только достигается состояние тождественности

между производством и творением перед нами происходит моментальное превращение обычной вещи в вещь мифологическую. Поскольку под творением понимается сакральный процесс выведения вещи в мифологическое пространство. Профанный предмет должен лишиться человеческих корней и возродиться в новом качестве: где его история становится совершенно иной – сакральной и вечной.

Симбиоз времён отчётливо раскрывается в пророчествах шаманов. Шаманы, маги, колдуны являются медиаторами, мифотворцами архаичного общества. Рассказчики мифов и маги связывали цепь времён, когда возвращали членов общества во времена первотворения. Они обладали особыми качествами, в том числе и даром предвидения.

Пророчество шаманов, исходя из сферы сакрального, заведомо соединяет своим предсказанием цепь времён: прошлое, настоящее и будущее, поскольку в мире абсолютных ценностей не существует временного разделения. «Пророчество проникает сквозь толщу времён и обстоятельств, причём осуществляется это не посредством рационального анализа. А в результате просветления, визионерства, духовного прорыва» [Исаев И.А. Метафизика власти и закона: У истоков политико-правового сознания. М., 1998. С. 203].

В пророчестве никогда не найти точных временных и пространственных координат явления, поскольку важность его составляет ценностно-смысловая нагрузка. Пророчество изначально несёт на себе след вечного. Именно эта сопричастность миру сакрального позволяет простому предсказанию или прогнозу стать настоящим пророчеством, которое обязательно содержит сообщение о конце старого мира и приходе нового.

В мифе возникает диалектика времени и вечности. В этом случае, можно прибегнуть к системе Леви-Строса, который говорил о двойной структуре мифа: диахроническую (развёртывающуюся во временной последовательности) и синхроническую (вневременную) [Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983]. Действительно, уже отмечалось, что в мифе, с одной стороны развёртывается цепочка последовательных событий: подобно тому, как разворачивается устная речь. Но, с другой стороны, миф дан как схема, одновременно сосуществующие по определённому правилу в пространстве объекты, в которых сконцентрировано и прошлое, и настоящее, и будущее. Эта схема всегда остаётся эффективным механизмом интерпретации событий во всех временных модусах.

Диахроническое время в мифе необратимо: оно вызывает специфическую экспрессию, одномоментные эмоции. Переживания динамично развёртываются и их невозможно остановить, пока индивид находится в поле мифологической реальности. Момент настоящего практически стирается, переводя событие в ранг уже прошедшего, и нельзя предыдущий момент вновь сделать присутствующим в наличной ситуации. Так процесс развёртывания преодолевает возможность «застывания» на одном месте в неподвижном состоянии.

Миф изначально содержит в себе два аспекта времени: диахронический и синхронический. Диахрония представляет собой рассказ о прошлом в его явной или неявной связи с настоящим. Синхрония же как вневременная категория является средством определения и объяснения модуса настоящего, а иногда и будущего.

Но значение мифа, наличие воздействия появляется только при целостном восприятии. Как можно заметить, то же самое наблюдалось и при описании мифопространства: человек воспринимает единое, раскрывающееся в последовательности

дескриптивных единиц. Целостная картина позволяет проникнуться одним общим чувством, неразличимым на отдельные ощущения, и утилитарные значения конкретных событий теряются.

Становятся возможными вечные возвращения к истокам. Бесконечное воспроизведение первоначального акта творения позволяет человеку перенестись в особую сакральную реальность. Проживая миф, индивид стремится стать сопричастным «забытому» времени героев и богов. Все события мифа – это лишь повторения того, что в общем виде было заложено в акте творения.

Миф игнорирует историю вещей и людей – как хронологическое изменение, наделяя предметы собственной «вечной» историей. Человек желал приобщиться к моменту, когда вещи появляются, так как их происхождение раскрывает тайну их сущности. Начало творения – это такое время, в котором находятся идеальные сущности, вечные и неизменные, поскольку создаются они не смертным человеком, а богами. Эти сущности и составляли реальность первобытного человека, отменяя хронологическое время.

Здесь уже становится неважной цепь событий, а имеет значение уверенность в незыблемости. Вечность – это гарантия человеческого существования: устоявшийся космос нигде не исчезнет. Его правила неопровержимы, а значит, их можно применять, не испытывая страха перед возможным риском: все известные способы жизнедеятельности встроены в этот мир, всё поддаётся объяснению и обоснованию.

Идеальная реальность является реактуализацией первоначальных актов, которые, повторяясь, давали людям древности уверенность в том, что форма тех событий абсолютна, и она образует сакральное пространство. Они раскрывают двери в идеальный мир и помогают остальным членам сообщества преодолеть границы своих возможностей. Человеческая сущность и заключается в постоянном стремлении выйти за собственные пределы.

Абсолютные предметы и человек могут существовать в едином пространстве, поскольку между ними происходит со-общение: общение в рамках одного языка. Коммуникативные схемы совпадают, поэтому человек способен понять окружающий его мир: он разговаривает с небом, с животными. Они взаимодействуют по одним правилам, и эти правила абсолютны.

Возвращение к истокам возможно осуществить с помощью обрядов, когда проживается первоначальное состояние мира. Постоянно проходя этап первого творения, люди возвращают тайный мир к жизни, люди будто бы восстанавливают первопорядок, осознают свою причастность к пространству сакрального. В мифах постоянно происходит возвращение к первоначалу. Начало обладает для людей особым значением и важностью. Эта историческая память вводится через традицию многими поколениями. Миф к нам приходит из ниоткуда: у него нет конкретного автора. Особая память, наше коллективное бессознательное творит сакральное пространство, специфическую мифологическую картину.

Вещи помогают совладать нам с миром и со временем: миф делает их локализованными, и поэтому легко поддающимися классификации и упорядочиванию. В мифологическом символе мы схватываем историю становления, то есть некоего общего переживания. Обладание временем, вечностью даёт ощущение защищённости и помогает прочувствовать пространство.

Одна из важнейших функций мифа - введение людей в сакральное пространство: мир первых людей и богов, определяется специфическим пониманием категории «времени» в первобытном мышлении. Первоначало есть абсолютная реальность, перед человеком предстаёт вечная и неизменная основа мира. Ритуалы возвращают и отсылают сообщество в минуты кризиса к идеальному мироустройству. Цикличность гарантирует человеку предсказуемость, уверенность в том, что «завтра» наступит. В этом пространстве прошлое являет себя как настоящее, и даёт уверенность в будущем: таким образом проявляется симбиоз времён.